

Археографическая лаборатория кафедры
Источниковедения отечественной истории
Исторического факультета МГУ
Российский Гуманитарный Научный фонд

ЖУРНАЛ СТАРООБРЯДЧЕСТВА

Выпуск 4

ЖИВЫЕ ТРАДИЦИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ КОМПЛЕКСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РУССКОГО СТАРООБРЯДЧЕСТВА

Материалы международной научной конференции
состоявшейся 21-24 ноября 1995 г. в Старом Актовом зале
МГУ им. М.В.Ломоносова

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Ответственный редактор
доктор исторических наук *И.В.Поздеева*

Москва
РОССПЭН
1998

В.В.Кобко

К ИСТОРИИ ПУСТЫННОЖИТЕЛЬСТВА НА СЕВЕРНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ ПРИМОРЬЯ (начало XX — 30-е годы XX в.)

Нрестьянская колонизация северного побережья Приморья началась в более поздний период по сравнению с остальной территорией края, с начала XX в. Появление в этом богатейшем лесными и рыбными угодьями районе японцев, «жадно смотрящих на эти богатства»¹, вызывало серьезную озабоченность у чиновников главного управления землеустройства и земледелия Приморской области.

Этот край, по их мнению, в самое ближайшее время необходимо было заселить русскими людьми, привыкшими выживать в сложнейших условиях долговременной изоляции. Грунтовые дороги, не говоря уже о железных, полностью отсутствовали, а связь морским путем была крайне редка и ненадежна. Единственным желательным и пригодным для этих мест колонизационным элементом были признаны «старообрядцы, не признающие священства»². Легальный путь на Дальний Восток многим из них облегчил Манифест 17 октября 1906 года. Большинство небольших старообрядческих крестьянских поселений начинают появляться на северном побережье с 900-х годов нынешнего столетия. Поселившиеся там крестьяне, «имея переписку со своими родными и знакомыми, сообщали им не только о материальных выгодах, но и о религиозной терпимости администрации и местного начальства. Эти слухи были заманчивы для сектантов и раскольников, не пользующихся в других местах религиозной свободой, и служили одним из самых сильных толчков, побуждающих к переселению»³. Появление первых скитов на северном побережье по времени совпадает с началом колонизации этих мест старообрядцами.

В этом году среди документов наконец-то вернувшегося из Томска на родину Российского государственного исторического архива Дальнего Востока мной было обнаружено дело о выдворении скитожителя Мокея Баранова, с Ольгинского участка Приморского переселенческого района. Рапорт начальника Ольгинского уезда от 6 октября 1915 года начинается с того, что «в 1911 году обнаружен лесной стражей самовольно поселившийся со своим семейством на казенной земле в тайге на реке Колумбэ, никем не заселенной местности... Макей Павлович Баранов, который зарекомендовал себя скитожителем, старообрядческим начетчиком»⁵. Сам Мокей Баранов

смотрит на причины своего появления на северном побережье Приморья несколько с иной точки зрения. Он излагает их подробно в своем прошении на имя министра внутренних дел: «Мы скитожители, по приглашению губернатора Приморской области для заселения морского берега перешли на казенную землю в Ключевскую обл. К нашему истинному исповеданию присоединяются лица, которые любят в безмолвии молиться, желают проживать в ските и быть слугами царю небесному, лица (это особо подчеркивается Барановым) которыми может быть заселен морской берег без помощи и без утраты казны, на свои средства». Таковы причины, подвигнувшие скитожителей перебраться на северное побережье края, причины вполне традиционные для идеологии старообрядческих пустынножителей, соединяющей в себе «крестьянскую извечную тягу к освоению новых мест в поисках самостоятельного хозяйствования и христианское стремление к монашеской аскезе»⁶.

Основываясь на скурых сведениях рапорта начальника Ольгинского участка, можно предположить, что Мокей Баранов принадлежит к беспоповскому направлению старообрядчества. Он зарекомендовал себя организатором такой секты, которая якобы на основании Указа от 17 октября 1906 г. приемлет лишь священство, переходящее от господствующей церкви, и должна служить только царю небесному, а всего земного, как-то: исполнения требований властей, их формальностей и проч. должна избегать. Лица этой секты не должны иметь никаких земных документов и быть причисленными к какому бы то ни было обществу⁷. Прошение самого Баранова уточняет наше предположение: «я весьма убежден в древлеправославной христианской вере, был ранее проживающим в Томской губернии, Мариинского уезда, Тюхтайской волости, при реках Конда(к) и Чите в скитах древлеправославного вероисповедания со скитожителями, живущими в нем более 25 лет до 1910 г., имущих чин, т.е. ревность Мельхиседекову...»⁸

В исследованиях российских ученых неоднократно подчеркивалось, что для урало-сибирского старообрядчества XVII—XVIII вв. чрезвычайно характерно соединение идеологии пустынножительства с конкретными обстоятельствами крестьянского и солдатского побега. «Организация сети скитов, пустынь, тайных лесных келий создавала одновременно великолепную систему убежищ для беглых»⁹. Осложнения для Мокея Баранова начались сразу же, как только пустынники были обнаружены. Продолжаем читать рапорт начальника Ольгинского уезда: «К нему Баранову стали являться разные темные личности под предлогом вступить в его секту и он всем приходящим стал предоставлять жилище и даже выдавать своих дочерей замуж за вступающих в секту и называть их своей уже фамилией, что в особенности для преступного мира... послужило большой выгодой»¹⁰. Какое количество беглых скрывалось в скиту, так и осталось для властей загадкой. По сведениям крестьян из соседних деревень, у «Баранова в нынешнюю зиму жили 7 молодых человек, как видно, уклоняющихся от воинской повинности, и по приходе парохода, все эти 7 человек убегают через сопки в тайгу, а потом появляются снова»¹¹. И лишь однажды сельскому старосте с. Колумбэ Ефиму Гретчину удалось застать во дворе скита «шесть человек призывного возраста, пилящих лес и производящих другие работы». На все вопросы его

о документах Баранов, указывая на старообрядческие книги, говорил: «Вот наши документы и больше никаких не имеем». «А что это за люди, которые у вас работают? "Этого я сказать не могу, потому, что я духовнеж, но, впрочем, я их спрошу, может, они от меня отстанут" и вышел спросить этих людей и вскоре возвращается и говорит: "Нет, они от меня не отстают и не отстанут. Нас много, ко мне все прибывают и убывают". Силой арестовать мы не осмелились, предполагая, что станут сопротивляться»¹², — заканчивает свое донесение Ефим Гретчин. Одним из скрывавшихся в скиту, по предположению властей, был Николай Маркович Сидоренко, военный фельдшер, дезертир. Видимо, властям не удалось на этот раз задержать Сидоренко. Его имя появится вновь уже в 1932 году в «Деле № 229 по старообрядческой контрреволюционной организации и вооруженном восстании этой организации на северном побережье ДВК», где он характеризуется как старообрядец, начетчик-фанатик, житель х. Баранова. Вместе с сыном Степаном он был арестован и расстрелян.

Сибирские старообрядческие пустыни XVIII в., считает Н.Н.Покровский¹³, можно назвать крестьянскими не только по их социальному составу и тесной генетической связи с крестьянской заимкой, но и по характеру взаимоотношений с крестьянским населением. Именно это составляет одно из главных отличий сибирских пустынножителей от основателей русских монастырей-феодалов XIV—XVI вв. Это подтверждается и нашим примером. По отрывочным и крайне скудным сведениям дела Баранова все-таки можно составить представление о крестьянах, живущих в ските, их занятиях, самой заимке. По словам пристава, в ските жили 18 человек, это те, кого он смог застать на месте. Глава скита Мокей Павлов Баранов, 50—51 года, «росту выше среднего, русые волосы, борода редкая, глаза серые», его жена Домна, сын Акиндин, 30 лет (за участие в старообрядческом восстании будет арестован его сын Иван Акиндинович), жена Акиндина и трое малолетних детей. Второй сын Мокея Баранова — Петр, 18 лет (также будет арестован в 1932 г. по той же причине), дочь Мокея — девица Александра, 35 лет. Следующая семья, живущая в ските, — Ивана Петрова Баранова, 30 лет, уроженца г. Сарайн, Вятской губернии, его жена Ксения Романовна и трое малолетних детей. Еще семья — Николая Баранова, так назвала его жена, но, вероятнее всего, это и есть тот самый Николай Маркович Сидоренко. Его жена Пелагея Мокеевна и двое детей. Пятая семья, имя главы семьи в документах записано неразборчиво, но, вероятнее всего, это Лазарь Мокеевич Баранов (по данным дела о восстании), его жена и трое малолетних детей. Скит состоял из 4-х изб, стоящих на берегу р. Колумбэ в 450 сажнях от Японского моря, «с обыкновенными крестьянскими надворными постройками. Сооружил он себе постройки из казенного леса, а потому лесное ведомство вынуждено было предложить ему арендный договор, который Баранов по своим религиозным убеждениям подписать отказался, но деньги платит по настоящее время»¹⁵. Сам Мокей живет в «молитвенном доме», «молитвенным домом называет стоящие в углу избы иконы всех святых»¹⁶, — поясняет пристав. «Он (Баранов) ни хлебопашеством, ни скотоводством не занимается и, по-видимому, живет хищнической добычей своих темных лиц»¹⁷. В других документах дела мы

находим упоминание о том, что молодые мужчины скита почти постоянно находятся на охоте за пушным зверем, занимаются также собирательством. Богатый зверем, рыбой, этот край позволял жить безбедно. Для земледелия северное побережье было почти непригодно, да и заниматься распашкой земель было опасно, необходимые продукты питания пустынные получали, видимо, от крестьян-старообрядцев из соседних деревень в обмен на пушнину¹⁸.

Расследование этого секретного дела продолжалось с февраля по октябрь и прошло все возможные инстанции, о чем свидетельствуют резолюции — от пристава до генерал-губернатора Приморской обл.: в самый кратчайший срок проверить заявление, «скрывающихся от воинской повинности лиц задержать», «соглашаюсь с доводами и ходатайствую о выдворении Баранова с места жительства как вредного человека», «в случае, если удастся старосте задержать беспаспортных, будет за это награжден похвалой»¹⁹.

Трудно сказать, чем завершилось следствие по делу М. Баранова, но можно предположить что выдворения не последовало, так как со многими обитателями скита мы встретимся почти через 17 лет, но теперь уже в качестве обвиняемых в участии в старообрядческом восстании 1932 г.

К 30-м годам XX столетия побережье Приморья за очень короткий срок из пустынного превратилось в своеобразный крестьянский оазис. Сюда, в эти по-прежнему труднодоступные места, уходили от начавшейся коллективизации старообрядческие семьи из Сибири, Алтая, Забайкалья, Амурского края, центральной части Приморья. Отсутствие дорог надолго прекращало доступ представителей советской власти в эти районы. Более 50 селений, хуторов, заимок появилось на северном побережье. О существовании многих из них власти даже не догадывались и открыли их уже во время подавления восстания. Манили сюда крестьян и хорошие заработки. В 20-е годы XX в. здесь существовали многочисленные лесные, рыбные концессии, принадлежащие в основном японцам. Работа оплачивалась в иенах. Здесь старообрядцы первыми на Дальнем Востоке начали культурное разведение пятнистых оленей. Особую статью дохода составляло и пчеловодство, но основным занятием была охота. Вновь приезжающие на северное побережье старообрядцы, опираясь на помощь общин, за 2-3 года вставали на ноги. Снова появилась надежда на то, что беды, связанные с коллективизацией, остались в прошлом. Первая, правда, неудачная, попытка коллективизации была предпринята в районе реки Бикин в 1930 г. С этого времени коллективизация становится неотвратимой реальностью. Открытое, организованное сопротивление властям, скорее всего, было последней отчаянной попыткой защитить веру, семью, хозяйство. Дальше уходить было некуда. Восстание было непродолжительным, чуть больше месяца. Около 4-х месяцев погранотряды продолжали в тайге поиск бежавших участников восстания. Арестовано более 300 человек, более 100 расстреляно. Близость границы диктовала жесткие условия: семьи арестованных, близкие, дальние родственники были выселены из края как неблагонадежные. За короткий срок с 1932 по 1938 г. побережье обезлюдело. Коллективизация, репрессии увеличивали число уходящих, «убегающих» из мира старообрядцев. «Силь-

ный борись, а слабый беги», — лозунг весьма распространенный среди старообрядчества.

Не раз нам доводилось от разных людей слышать рассказ о том, что в 70-х годах одной из геологических партий было обнаружено жилище монаха-отшельника, более 40 лет прожившего почти в полной изоляции в самых глухих уголках Сихотэ-Алиньской тайги. Каково же было наше удивление, когда один из членов старообрядческой общины признался нам, что этот отшельник являлся его отцом. В 1932 г. Павел Николаевич был арестован за участие в старообрядческом восстании. Во время этапирования во Владивосток бежал в тайгу, более никто не слышал о нем. Семья (жена и малолетний сын) считала его погибшим. Действительно, им не удалось больше увидеться. Павел Николаевич прожил оставшиеся годы вдали от мирской суеты, в молитве, довольствуясь только тем, что давала тайга.

Не менее распространенным видом протеста, наряду с уходом в скит — уходом в иной мир, была добровольная мученическая смерть²¹. Нам известны случаи ухода от принудительного вступления в колхоз старообрядки из Ян Муть Хоуза. С двумя взрослыми дочерьми она тайно ушла в тайгу, чтобы замерзнуть²². Другой случай скорее трагикомичен. Начетчик села Ахобе Китаев Вавил разяснял на соборах, «что немощные должны бежать в сопки, а кто может, должен бороться с Антихристом». В 1931 г. Китаев ушел с группой старообрядцев «спасаться в тайгу». Придя туда, они имели цель умереть от голода, отделились мужчины от женщин, жили в разных бараках, но потом передумали и решили обзавестись хозяйством. Жили больше года в тайге, потом были изгнаны²³.

К огромному сожалению, в силу объективных причин, пока мы не можем полно и достоверно восстановить картину жизни приморского пустынножительства с начала XX по 30-е годы XX в.

Впервые сведения о приморских монастырях и их обитателях были обнаружены нами в показаниях одного из руководителей старообрядческого восстания Николая Медоловича. Настоящее его имя Владимир Александрович Соловьев, иркутский дворянин, юрист, бывший офицер царской армии, участвовал в сражениях I мировой войны, прошел немецкий плен, возвращаясь на родину, объехал полмира, воевал в армии Колчака, перешел на сторону революционных войск, прошел через увлечение анархизмом. Опасаясь преследований советской власти, в течение многих лет скрывался в старообрядческих скитах Приморья.

По словам Н.Медоловича, к 1932 году на северном побережье было три монастыря, вокруг которых и объединилось старообрядческое население, большую часть которых составляли часовенные. Крупный монастырь в верховьях реки Пея был основан в 1926 г. Его настоятелем стал игумен Сидуян, сподвижник известного в Сибири монаха-чернорядца, настоятеля сибирских, а затем колоеванских, отца Саввы. Вот что пишет Н.Медолович об отце Савве: «Отец Савва имел под своим покровом два монастыря — мужской и женский. Монастыри находились в тайге, вниз по реке Енисею, имея редкую связь с населением старообрядцев через надежных в религиозном отношении третьих лиц. Отец Савва имел постоянную связь с Бикинскими монастырями отца Саввatea и отца Вилария²⁴. Года 2—3 назад отец

Савва со своими монастырями удалился внутрь тайги, вниз по Енисею в холодные места, где хлеб не произрастает, рассчитывая питаться рыбой и овощами. С этого момента связь с Бикином стала редкой»²⁵.

Жития дальневосточных пустынников нам приходится восстанавливать почти исключительно по воспоминаниям. Рассказы стариков о мучениках за веру, их праведной жизни, чудесах, исцелениях удивительно напоминают жития святых. К сожалению, пока уговорить записать эти рассказы нам не удалось. В урало-сибирском патерике сведения об отце Силуяне очень скудны. Нам удалось восстановить несколько эпизодов его жизни. Происходит он, по рассказу Ермила Юркова, из богатой семьи, но с детства любил молиться и мечтал посвятить жизнь служению Богу, молитве в уединении. Когда узнал он, что родители собираются его женить, запряг лошадей и покинул родной дом. Проехав полпути, повернул коней домой, а сам ушел в пустынь. По рассказам Марфы Соломенниковой (она жила в монастыре отца Силуяна), однажды во время молитвы встал перед отцом Силуяном бес, заслоняя собой иконы, но монах ни на миг не прервал молитвы, тогда видение исчезло. Умер отец Силуян незадолго до восстания, похоронен у монастыря, могила его считалась святым местом²⁶.

Еще один монастырь был в верховьях реки Бикин (настоятель отец Иоанн) и третий — недалеко от х. Баранова — монастырь отца Савватая. По мнению Н.Медоловича (такова и основная версия ОГПУ, основывающаяся на его показаниях), именно монастыри играли важную организующую роль в восстании, были центрами идеологического протеста против официальной церкви, власти. Монастыри издавали свою литературу: календари, ноты, сборники об Антихристе. Во время разгрома монастырей такой литературы собрано «десятки пудов». Большая ее часть уничтожена на месте. 2—3 раза в год собирались соборы сначала в Кхуцине, затем в Перетычихе и Улунге. Трудно переоценить значение соборных уложений 1924 г., обнаруженных нами в качестве вещественных доказательств контрреволюционной деятельности скитов. Вместе с соборными уложениями было найдено оригинальное произведение, которое было написано по весьма злободневному поводу — отношение к Антихристовой власти. Сочинение написано в традиционном и популярном для старообрядцев полемическом жанре. Об авторе его говорить пока преждевременно, так как такого рода произведения встречаются нами впервые. Мы не исключали принадлежность его перу старцев колоеванских монастырей.

Небольшой скит Мокея Баранова за короткое время, как мы видим, превратился в монастырь. По воспоминаниям информаторов, рядом в 3-х км от него стоял женский скит. Мужчин-монахов было 8. Занимались они привычным для крестьян трудом: пахали землю, выращивали хлеб, в скиту была своя кузница. В женском монастыре старицы занимались скотоводством, держали коров. Монахинь, в основном преклонного возраста, было 10. В памяти стариков сохранились лишь два женских имени: матери Анисефы и матери Истомии. После разгрома скита они были арестованы, отбыли срок и уехали в Сибирь. Кельи в скитах были построены на 2—3 человека, из бревен, сени и крыша — из тополевой коры. Внутри — две половины, одна для жилья, другая — моленная. В одной из келий втроем жили отец

Власий, отец Авраамий и отец Кирилл. Имя отца Кирилла упоминается в урало-сибирском патерике в связи с тем, что он приглашал уральских стариц мать Феклу и мать Мелетину на Дальний Восток. Волей случая они не поехали, тем самым, возможно, избежали смерти во время разорения монастырей. Судьба монахов была трагична. Разгром монастырей последовал сразу после подавления восстания. Искали обители в тайге с воздуха, затем сжигали. По рассказам старообрядцев, многие из обитателей скитов были расстреляны, утоплены. Мы почти потеряли надежду узнать что-либо об их судьбе, пока неожиданно не натолкнулись в документах архива ФСБ на сведения о том, что даже в 1937—1939 гг. крестьяне скрывали несколько беглых монахов и монахинь. Один из свидетелей показал, что в селе, где скрывался отец Авраамий, вскоре появились еще четыре монашки, «причем личности все не установлены, а весной 1937 г. Авраамия увез к себе Соломенников, а после Ермил, который и препроводил их на хутор на реке Пее, где отец Авраамий и был задержан. В зиму 1937 г., будучи в экспедиции, мы наткнулись примерно в 60 км от моря на избу, в которой скрывался бандит Кирилл, который под видом монаха проживал там, но не застали его там»²⁸. Арестован был отец Кирилл вместе с сестрой старицей Лукерьей, этапирован во Владивосток. В архиве хранится уголовное дело по обвинению старца Кирилла. Дело всего в несколько листов. В официальном обвинении говорится, что «старец Кирилл, будучи старовером-монахом, враждебно настроен к советской власти. До 1930 г. жил в монастыре раскольничьем в районе реки Пеи, после ликвидации монастыря продолжал жить в тайге. Старец, проживая в тайге, нашел общение с населением. За проводимые им чтения и вероучения он получал одежду и питание. Настроен против прописки. По совету старца скрылся в тайгу старообрядец Кимен Гаврил, старец скрывал у себя бандита Новожилова Власа»²⁹. Учитывая возраст, ему было в то время более 70 лет, старца отпустили. О дальнейшей его судьбе мы узнали со слов одного из настоятелей общин часовенных Приморья. Рассказ настоятеля полон сочувствия к смиренному старцу, не потерявшему силу веры даже в застенках ОГПУ. От него мы впервые узнали и мирское имя старца — Калина. После освобождения отец Кирилл возвратился на северное побережье, жил в п. Терней, на базарной площади в сарае, где хранили метлы и лопаты. Здесь его и нашла одна из старообрядок, знавшая его еще по северному побережью, и приютила его у себя. Дальнейшее повествование выдержано в жанре рассказа о чуде. Тяжело заболела благодетельница отца Кирилла, и перед смертью захотелось ей масла постного поесть, а время военное, голодное было. Старец молился всю ночь, а утром увидели они на столе бутылку масла³⁰.

Трагично сложилась судьба монахини монастыря отца Силуяна матери Енафии. К счастью, мы знаем ее мирское имя: Мясникова Екатерина Парамоновна. Вместе с братом Егором Мясниковым приехала из Сибири. После разгрома монастыря с 1933 по 1937 г. скрывалась в деревнях на северном побережье — Антоновке и Самаровке. Пользовалась огромным авторитетом у крестьян, со всей округи приезжали к ней за советом. Когда началась паспортизация, мать Енафия уговорила одного из крестьян, в доме которого жила, объявить ее умершей. В деревне укрывалась в домике,

построенном под вид свинарника, с тайным ходом в конюшню. В 1937 г. мать Енафия была арестована, ей предъявлено обвинение в том, что она является «старообрядческой начетчицей, проживающей на средства, получаемые за отправление религиозных обрядов, занималась контрреволюционной агитацией». Через 5 месяцев была расстреляна.

Таким образом, для старообрядческого пустынножительства северного побережья Приморья характерны те же особенности, что и для урало-сибирского. Появление первых пустынножителей на Дальнем Востоке по времени совпадает с началом крестьянского освоения этих территорий. В сложнейших условиях экономической изоляции старообрядческие монастыри, скиты поддерживали тесную связь с крестьянскими общинами соседних деревень, имели свое небольшое хозяйство. Скиты часто служили приютом для бежавших от Антихристовых властей и играли важную роль в качестве центров идеологического протеста в крестьянской классовой борьбе.

Примечания:

1. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 307. Л. 36.
2. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 307. Л. 448, 555.
3. Кириллов А.В. Переселение в Амурскую область. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 541. Л. 472.
4. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2478. Л. 79.
5. Там же. Л. 81.
6. Покровский Н. Скитские биографии // Новый мир. 1992. № 8. С. 195.
7. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2478. Л. 79.
8. Там же. Л. 81.
9. Покровский Н.Н. Крестьянский побег и традиции пустынножительства в Сибири XVIII века (классовая борьба, общественное сознание и культура). Новосибирск, 1975. С. 46.
10. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2478. Л. 79.
11. Там же. Л. 112.
12. Там же. Л. 92.
13. Покровский Н.Н. Крестьянский побег и традиции пустынножительства в Сибири XVIII века... С. 46.
14. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2478. Л. 112.
15. Там же. Л. 79.
16. Там же. Л. 83.
17. Там же. Л. 89.
18. Из материалов «Дела № 229 по старообрядческой контрреволюционной организации и вооруженном восстании этой организации на северном побережье ДВК» в 1932 г. видно, что у Лазаря Макеева Баранова и Степана Николаевича Сидоренко, продолжавших жить на х. Баранова, в 1932 г. земли в собственности находилось не так уж много: 2—3 га, для собственного обеспечения, а основной доход приносила охота. В сезон удачливые охотники сдавали пушнины до 900 рублей. Николай Куликов за сезон 1931—1932 добыл один 28 соболей, купил на эти деньги жнейку, куколетборник.
19. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2478. Л. 91.
20. Полевые материалы Приморского государственного музея им. В.К.Арсеньева. № 11/95. Л. 65.

21. Велецкая Н.Н. Формы трансформации языческой символики в старообрядческой традиции // Традиционные обряды и искусство русского и коренного народов Сибири. Новосибирск, 1987. С. 80—81.
22. Полевые материалы Приморского музея им. В.К.Арсеньева. № 11/95. С. 35.
23. ГАПК. П-31504. Л. 2.
24. Возможно, это искаженное имя отца Виталия, монаха, вместе с отцом Сидуяном приехавшего на Дальний Восток.
25. ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Уг.д. ПУ-7048. Т. 1. Л. 81. Непонятно, почему Н.Медолович говорит об уходе из монастырей отца Саввы на Енисей как о факте свершившемся, ведь, когда весть о разорении дальневосточных скитов достигла обитателей, скитники еще в течение нескольких лет оставались в колыванской тайге.
26. Полевые материалы Приморского государственного музея им. В.К.Арсеньева. № 11/95. С. 55.
27. Покровский Н.Н. Скитские биографии // Новый мир. 1992. № 8. С. 205.
28. ГАПК. ПУ-7372. Л. 7.
29. ГАПК. П-20739. Л. 5.
30. Полевые материалы Приморского государственного музея им. В.К.Арсеньева. № 11/95. С. 54.
31. ГАПК. ПУ-7360. Л. 13.

